

РИТА, МАЛЕНЬКИЙ И МЫ

/рассказ/

- Он немного моряк, хоть и дурак,- сказала женщина.

Мы молча улыбнулись.

- Маленький, ты давай закусывай, я тебя домой вести что ли буду? Ну, Маленький, не упрямясь, тебе говорят. Отстань, тебе говорят, отстань, надоел,- вдруг крикнула она на востроносового пьяненького человека, сидевшего рядом с ней.

Рука того уже по кисть исчезла под кофточкой, ядовито-зеленой, с темными пятнами вина, грязи и пищи. Из-за возникшего беспорядка из-под кофточки вылезла грязная белая рубашка, мужская и без пуговиц.

- Ну, выпьем, хе-хе,- сказал Леня. Его рука вынырнула из-под кофточки и обиженно завозилась на столе.

Выпив пива, он просветлел, откинулся на продранную спинку сиденья и предложил водки. Смущение его сразу улетучилось. Он вновь чувствовал способность нравиться.

Женщина сказала, что не пьет.

- Водку, нет,- сказала она и откуда-то из темных глубин своей сумочки достала бутылку портвейна.

Мы пожали плечами.

Подожла официантка и через невероятное мгновение с красненькой, зажатой в руке, туалетчица, продававшая "Шипку" за двадцать копеек пачка, исчезла за стеклянной дверью и дальше смешалась с толпой.

- Хе-хе,- сказал Леня,- столичную, хе-хе,- и обнял Риту. Он снова был мужчиной.

Официантка улыбалась огромным красным своим лицом. Маленький Толя тихо поник среди пролитого пива, окурков "Памира" и

недоеденных бутербродов.

- Шесть пива, - сказала Рита.

Через руку, шарившую по спине женщины, в Леню проникали невидимые духи величия и неизмеримой мужественности.

- Ничего не бойся, - кричал он нам, - Я всех купил, всех.

Рита копалась в своей сумочке, вытаскивая оттуда луковицу, боксгалтер, шнурок, бляху от ремня...

Навстречу нам, становясь все ближе, плыла "Столичная", оттопыриваясь за пазухой у Марьяны, туалетчицы ленинградского бара.

Видимо, возбуждение, возникшее в недрах Лениного существа, Рите показалось излишним, она оставила свою сумочку и..., но к нас уже шла водка. Леня занялся ею, и, успев налить Рите, себе и Маленькому, остальное выронил, и бутылка покатила под соседний столик.

- Толя, Маленький, не пей, хватит. Кто домой тебя поведет, к мамочке, уж не я, не я только, - сказала Рита.

Она чокнулась с Леной, посмотрела на нас, сказала: "Извините", - сказал она и выпила, задыхалась неровно, громко, отфыркиваясь.

- Старая вешалка, старая вешалка, старая ты вешалка, - говорил Маленький, уткнувшись лицом в большой живот официантки, обтянутый белым грязным передником.

- А ты не будешь старым, не будешь, ну скажи, а? - ласково допытывалась у него "старая вешалка", мягко отдирая Толину руку от своего зада.

- Налей-ка ты мне лучше пива.

- Налить! А, чего захотела, налить! Пива! Ха!

Пошарив неловкой своей рукой, пьяной от водки и недоволь-

ства жизнью, он налил полстакана.

— Еще, еще наливай.

"Вешалка" прихватила бутылку своей красной жирной рукой и вылила пиво в стакан. Оно полилось через край, желтой, жидкое пиво на черной пластмассе, загаженном квадрате стола.

Толя отвалился от поющего живота официантки и только сейчас заметил тоскующую Ленину руку, тоскующую по невероятному телу Риты, он вдруг увидел этот жест безнадежности, это неверное, почти смешное подрагивание пальцев при прикосновении к грязным и вымаранным одеждам своей подруги.

Он был пьян и не любил старую Риту. Денег уже не было и вечером он должен был заступать на вахту. Он хотел одного: лечь. Лечь на каменные плиты пивной, лечь и уснуть. Он не хотел больше плавать, не хотел ночных вахт, не хотел старшего помощника и замполита.

Женщины обманывали его и он не хотел женщин. Он хотел домой, к маме. Чтобы мама сняла с него, содрала вонючую, прилипшую к телу одежду, чтобы она бросила его в ванну с горячей водой.

О, это последнее блаженство от едкого мыла в носу, пара от горячей воды, боль от мочалки, снимающей с тебя старую шкуру.

А потом спать, спать в накрахмаленных простынях, как еще не родившаяся бабочка в коконе.

Но он пересилил себя. Он приподнялся, он издал боевой клич— хриплый негромкий знак его недолгого мужества— и тут же рухнул на стул.

Леня поймал этот жест угрозы, осознав его как последнюю жалкую преграду на пути к Рите. В нем говорили водка и пиво,

в нем заговорил полузабытый мужчина, голос любви и победы, голос женских ласк и последней неимоверной усталости, он вспомнил все свои сны и все, что обещала ему женщина в четырнадцать лет.

Он понял — его час настал.

Одна его рука покинула грудь женщины, другая — ее плечи. Пьяное и грозное лицо Лени подпрыгивало и расплывалось от счастья. Он выполнял величайший долг мужчины перед самим собой — добивался женщины.

И кто знает, чем все могло кончиться. Возможно, мы увидели бы, как проявляется мужество, столь редкое в наши дни. Возможно, мы узнали бы, как низко оплачивается героизм. Мы могли стать свидетелями драмы, драмы похищения женщины. Ее измена предстала бы нашим глазам, как естественный ход вещей. Мы могли бы наблюдать отчаяние потерпевшего, поражение и его печальную ~~жизнь~~ кончину.

Увы, Рита не дала произойти побоищу, она пожертвовала возможностью насладиться своей силой. Она осталась верна своему Маленькому. Матросу Толе с торгового судна, уходившего завтра утром к норвежским фьордам.

И пусть нам не удалось раскрыть тайну героизма, зато мы столкнулись с загадкой верности.

— Хватит, — сказала Рита, — хватит, нам пора идти, ты слышишь, Маленький, нам пора бай-бай, к маме, — и стала убирать обратно в сумочку луковицу, бюстгалтер, шнурок, арахис, моченый горох и бляху от ремня...

Они уходили. Уходили, бунтуя и качаясь. Они спотыкались и падали. И запах слипшейся от пота и грязи одежды, запах

водки и пива служил им герольдом и почетным эскортом.

Еще долго были слышны их голоса. Вопрошающие, выкрикивающие, бунтующие.

Они ушли. Стало тихо. Однообразный нетрезвый шумок болтался в воздухе, как пересохшее белье на веревке.

Лето 1968 г.